

Как и где всё началось, или Побег из сумки

Если ты прибежишь в парк Кармашкино пораньше и сядешь на колесо обозрения, то сверху увидишь много интересного. Увидишь, как спешат в парк дети с родителями. Одни сразу мчатся к аттракционам. Другие бегут прокатиться на пони. Если у тебя хорошее зрение или бинокль, увидишь, как суетятся белки, приводят в порядок кисточки на ушах.

Только одна старушка сидит на скамейке у пруда, никуда не спешит и ни на чём не катается. Она с кем-то разговаривает. Может быть, с лягушками? Или с уткой? Больше рядом никого не видно...

Если ты прокрадёшься в парк Кармашкино до первых посетителей и спрячешься за скамейку возле пруда, то услышишь много интересного. Услышишь, как лягушки спорят, в какую сторону им расширять свой жилой комплекс «Кочка на кочке». Услышишь, как утка хлопает крыльями по воде — занимается пернатым фитнесом. И услышишь, что старушка на скамейке разговаривает с собственной сумкой.

— И чего же мне с тобой делать? — спрашивает она сумку. Сумка в ответ молчит, как, собственно, и положено сумкам.

— Тапком тебя шлёпать уже не помогает — уворачиваешься. Может, в деревню отправить? — продолжает старушка. — Будешь на цепи сидеть, двор охранять.

Маленький проворный хорёк — а именно он и подслушивал за скамейкой — фыркнул, представив, как сумка сидит на цепи.

— А может, в лес? Будешь охотиться на зверей, а не на мои туфли.

Сумка слегка покачнулась, словно это предложение ей понравилось больше. А хорёк не удержался и хихикнул. Охотничья сумка!

Старушка оглянулась, но никого не увидела. Она вытащила сигарету и закурила, хотя в парке Кармашкино курить запрещено и вообще вредно. Старушку звали Грымза Герасимовна. На самом деле ей не хотелось тащиться с сумкой ни в деревню, ни в лес.

— Помалкиваешь, хулиганье ты этакое... Как телевизор ронять, так ты тут как тут! Как таблетки мои глотать, так тоже спрашивать никого не надо! Жаль, контактный зоопарк закрыли. Там тебе самое место.

Грымза Герасимовна задумчиво посмотрела на воду. Казалось, у неё были ещё какие-то варианты для странной сумки. Хорёк почувствовал, что сумка запаниковала. Запах паники он не перепутает ни с чем. Хорёк отступил в сторону, прижался к земле. Сумка резко дёрнулась и свалилась со скамейки. Старушка заругалась нехорошими словами, пытаясь поднять свою поклажу. Но в дыру, прогрызенную у сумки в боку, успел протиснуться живой лохматый комок. От него, кроме паники, несло грязью, голодом и клеткой. Даже хорёк, привыкший к не самым приятным запахам, зажал нос. На шее у лохматого создания вместо ошейника была бельевая верёвка. За неё-то и успела ухватить Герасимовна пленника своей сумки.

Грымза Герасимовна была очень сердитая. Нет, обычно она совсем не такая. Обычно она просто сердитая. Она сердилась с того самого момента, как ей подсунули этого хулигана и безобразника. А сегодня сердилась в два раза больше из-за закрытого контактного зоопарка. Она-то думала продать щенка и получить деньги на новый телевизор. Тем более, порода у её питомца была модная — хаски. Такой и на снегу спать может и санки возить. Если научить, конечно. А эта бестолочь умела только грызть, выть, да ещё пыталась забраться в телевизор, когда там показывали что-то интересное.

Герасимовна дёрнула за верёвку. Щенок упёрся всеми лапами, но из-под скамейки не вылез.

— Ладно, пора завязывать, — шепнул ему хорёк и ловко развязал узел на шее щенка. Герасимовна дёрнула верёвку ещё раз и... плюхнулась на траву. А щенок вынырнул из-под скамейки и бросился бежать по дорожке.

— Стоять! — закричала Грымза Герасимовна так, что пони Чубчик резко затормозил, а колесо обозрения и вовсе остановилось.

Но она тут же потеряла дар речи. Потому что из-под скамейки к ней выскочил хорёк и выдернул из рук верёвку. Вместе со своей добычей зверёк исчез за деревьями.

— Заговор! — не поднимаясь с травы, прошептала Грымза Герасимовна. — В этом парке заговор! И зоопарк контактный специально закрыли. Мне назло!

А в это время щенок нёсся по дорожке. Он даже не заметил, как обогнал пони с тележкой. Он бежал и смотрел только вперёд. Другого выхода не было. Он нёсся по дорожке так, как никогда не разгонялся по квартире даже во сне! Лишь бы поскорее оказаться подальше от сумки и её владелицы.

На повороте щенок оглянулся посмотреть, далеко ли Грымза, и тут же с силой врезался во что-то большое и мягкое. Большое и мягкое обернулось и оказалось Грымзой Герасимовной со своей ужасной сумкой. Как?! Она же была сзади! Ничего не понимая, щенок в ужасе подпрыгнул, оттолкнулся от страшной сумки, перевернулся в воздухе и помчался в обратную сторону. Откуда же было ему знать, что дорожки в парках обычно идут по кругу.

Запасы, которые всегда внутри

— Ты не знаешь, кто там у нас сегодня так носится по дорожке? Чуть под колёса не попал, — спросил пони Чубчик бурундука Буруна Буруныча. У Чубчика был перерыв, и он перекусывал морковкой, пока дети выбирали места в тележке. Бурундук положил за щёку семечку.

— Это не хорёк Шнурок хулиганит? — щёлкнул семечкой Буруныч.

— Нет, — подул на чёлку пони. — Этот какой-то новенький и бестолковый.

— Спортсмен? — выплюнул скорлупку Буруныч.

— Неа, — махнул хвостом пони. — Спортсмены целеустремленно бегут, а этот слишком суетливый, мечется.

Бурундук решил расспросить про странного беглеца у остальных обитателей парка. Но вдруг увидел старушку с таким суровым взглядом, что чуть не подавился семечкой.

Старушка стояла посередине дорожки, как хоккейный вратарь, и держала перед собой распахнутую сумку. А навстречу ей мчался щенок. Бедняга никак не мог сообразить, что дорожка в парке идёт кругом. И в какую бы сторону он ни побежал, всегда его будет ждать хозяйка.

Щенок был маленький и очень испуганный. Но сдаваться не собирался. Правда, сил у него оставалось всё меньше.

Бурундук бросился наперерез беглецу и столкнул его с асфальтированной дорожки.

— Маленьким... надо... помогать, — пробормотал бурундук, вставая и потирая ушибиленное всё. — Большим уже не можешь.

А щенок перекатился в траве и, не тормозя, продолжил побег по узкой тропинке вглубь парка. Он так волновался и торопился, что опять не успел поблагодарить.

Тропинка вела к неглубокому, заросшему травой оврагу. Крыльев у щенка не было, но и возвращаться он не собирался. Или ты прыгаешь к свободе или томишься взаперти. И щенок прыгнул, зацепился передними лапами за каменную глыбу на другом берегу, выкарабкался, побежал дальше, оттолкнулся и перепрыгнул через забор, огораживающий старую часть парка.

— Это что... Я что ли летаю? — удивился сам себе щенок, шлёпнувшись рядом с хорьком. Хорёк был тот самый. Он испуганно отпрыгнул в сторону и проворчал:

— Летаешь, летаешь. И лети себе дальше, птица вольная. А я пока проволоку ключую натяну, чтобы не летали тут всякие...

Хорёк суетливо что-то прятал, но хаски было не до этого.

Герасимовна летать не собиралась. Она обошла овраг и забор. Приготовила сумку. Сумку с замком. Щенок отскочил в сторону, словно в его лапах были пружины.

— Пробирайссссся к пруду, только тишшше, — шепнул кто-то из валежника. Щенок принюхался, уловил запах воды.

— Я не умею тише, — щенок не увидел советчика, хотя смотрел во все глаза. — Если бы я был тихим, меня бы тут не было...

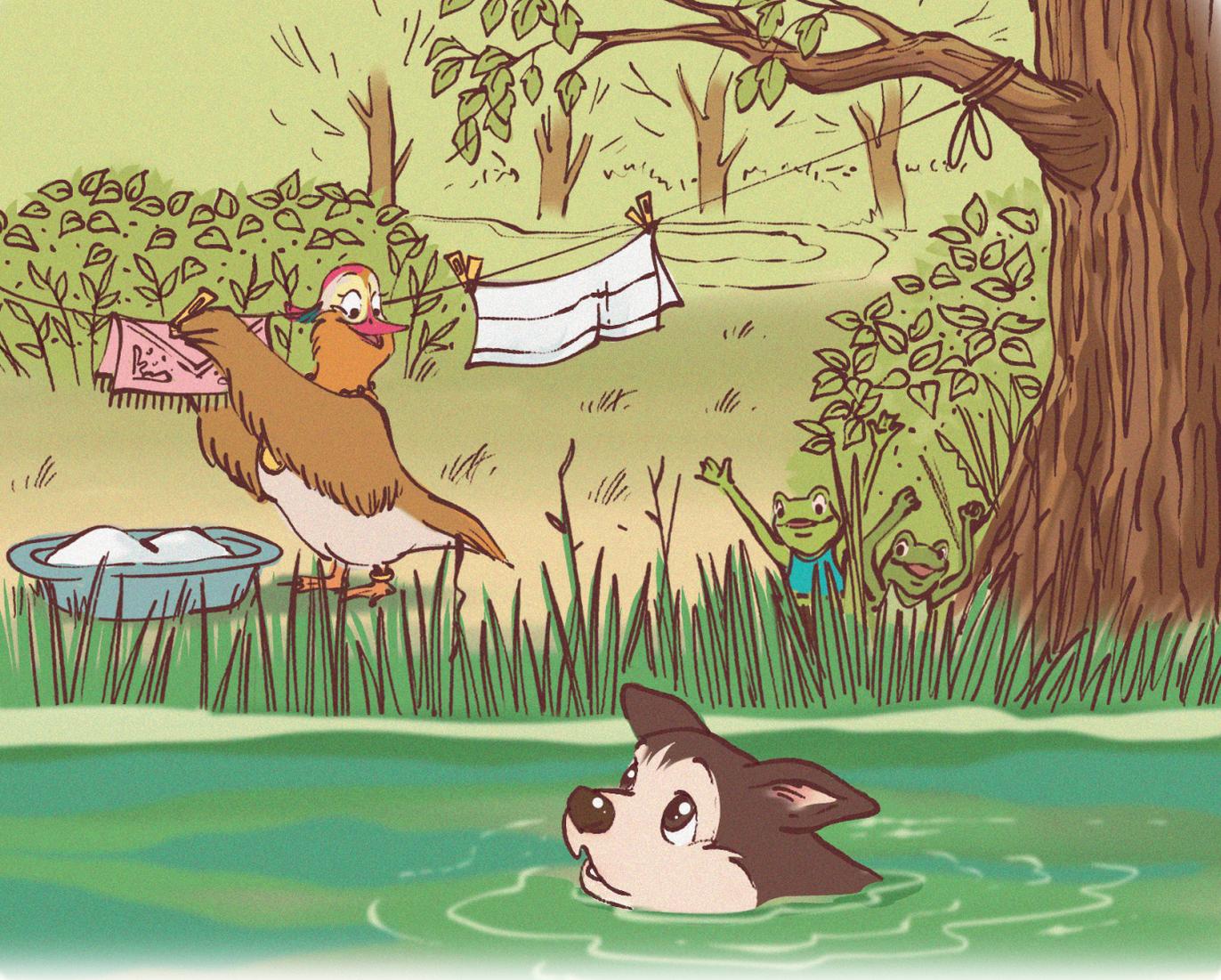
— Умеешшшь, — не согласился голос. — Если ты действительно хочешшь убежать, то сумеешшь.

Щенок постарался двигаться скрытно. Он следил за каждым своим движением. Не шуршал. Не дышал. Хотел закрыть глаза, чтобы они его не выдали, но тогда было бы ничего не видно. Он прятался за деревьями, полз по траве. Никогда хаски не вёл себя так тихо и осторожно!

Когда пруд оказался совсем рядом, хаски выскочил на тропинку. Грымза Герасимовна увидела беглеца и поспешила спуститься на берег. Щенок бежал, не оглядываясь. И вдруг он понял, что никогда в жизни по-настоящему не плавал. Однажды его пытались выкупать. Дышать в горячей воде и пене было совсем нечем — и это страшно! Ещё он видел по телевизору соревнования по синхронному плаванию. Но сейчас всё было не по телевизору. Впереди блестел на солнце огромный пруд.

А парк жил своей жизнью. С площади у фонтана доносились слова песни: «Ну и пусть! Будет нелегким мой путь!» У берега возилась утка и сидело несколько лягушек.

— Я не умею плавать, — жалобно проскулил щенок.

— Не думаю, — сказала утка Лира. — Когда очень надо, все умеют плавать.
Грымза Герасимовна приближалась.
— Мне очень надо, — прошептала хаски. Он ни за что не хотел назад в эту ужасную тесную сумку.
И он нырнул.
— Получилось, — удивился щенок, когда вынырнул и двинулся вперёд, барахтаясь лапами. Он плыл!

— Да он, гадёныш, ещё и плавать умеет! Откуда что взялось?! — всплеснула руками Герасимовна. Она оглядела берег в поисках палки, чтобы выловить щенка.

— Уважаемые гости парка Кармашкино! — неожиданно песня в динамиках прервалась. На экране запустили блок объявлений.

— Напоминаем, что в нашем парке запрещён выгул собак. Просим хозяина собаки подойти и заплатить штраф. Чья собака сегодня бегаёт по парку?! Пожалуйста, подойдите к администрации.

— Я же говорила — в парке заговор! — Грымза Герасимовна поняла, что проиграла и никто теперь ей не вернет сломанного телевизора. Она повесила сумку на плечо, притворяясь самой обычной бабушкой. Доброй и тихой. Опираясь на палку, она пошла к выходу из парка, ворча, что будет жаловаться. Что дойдёт до президента. Может быть, кстати, она и пошла сразу к президенту. По крайней мере, Грымза Герасимовна больше не появится ни в парке, ни в нашей истории.

Щенок выбрался на берег и отряхнулся. Купание пошло ему на пользу — шерсть заблестела. Но он ужасно устал. Беглец заполз под скамейку и упал. Он был без сил, но свободный и удивлённый. Щенок и сам не понял, как это у него так получилось: быстро бежать, высоко и далеко прыгать, тихо ползти и даже плавать. Он ведь был уверен, что умеет только грызть, выть и всем мешать.

Хаски закрыл глаза и уже сквозь сон услышал чей-то голос.

— У насссс внутри уже есссть запасссы, которые нам нужшшны...

— Запасы? Я у Герасимовны за батареей косточку спрятал, — то ли подумал, то ли пробормотал щенок. — Но она не внутри, она снаружи и теперь далеко...

— Нет, я про другие запасссы. Они есссть только внутри тебя. Те, которые тебе ссссегодня весссьма пригодилиссь, — этот голос был тихим, словно шелест листьев. И щенок больше ничего не расслышал. Он уснул.

Своё место

Что вы делаете, когда на вас наступает лягушка? А затем ещё одна. И ещё. Щенок хаски думал, что это просто сон. После просмотра передач ему часто снились интересные сны. Он старался их не отпугнуть. Во сне он мог запросто стать собакой-суперменом или псом-детективом. Однажды ему приснилось, что он пёс-паук.

Под лавкой в высокой траве спалось хорошо. Дневной шум парка ему нисколько не мешал.

Лягушки во сне громко переговаривались:

— Это наше? Пригодится? Помогите перетащить!

«Наверное, я во сне какой-нибудь король лягушек», — подумал щенок.

— А это что валяется? Его забрать? — маленький лягушонок остановился перед носом хаски. Старшая лягушка, шагавшая по хвосту щенка, остановилась.

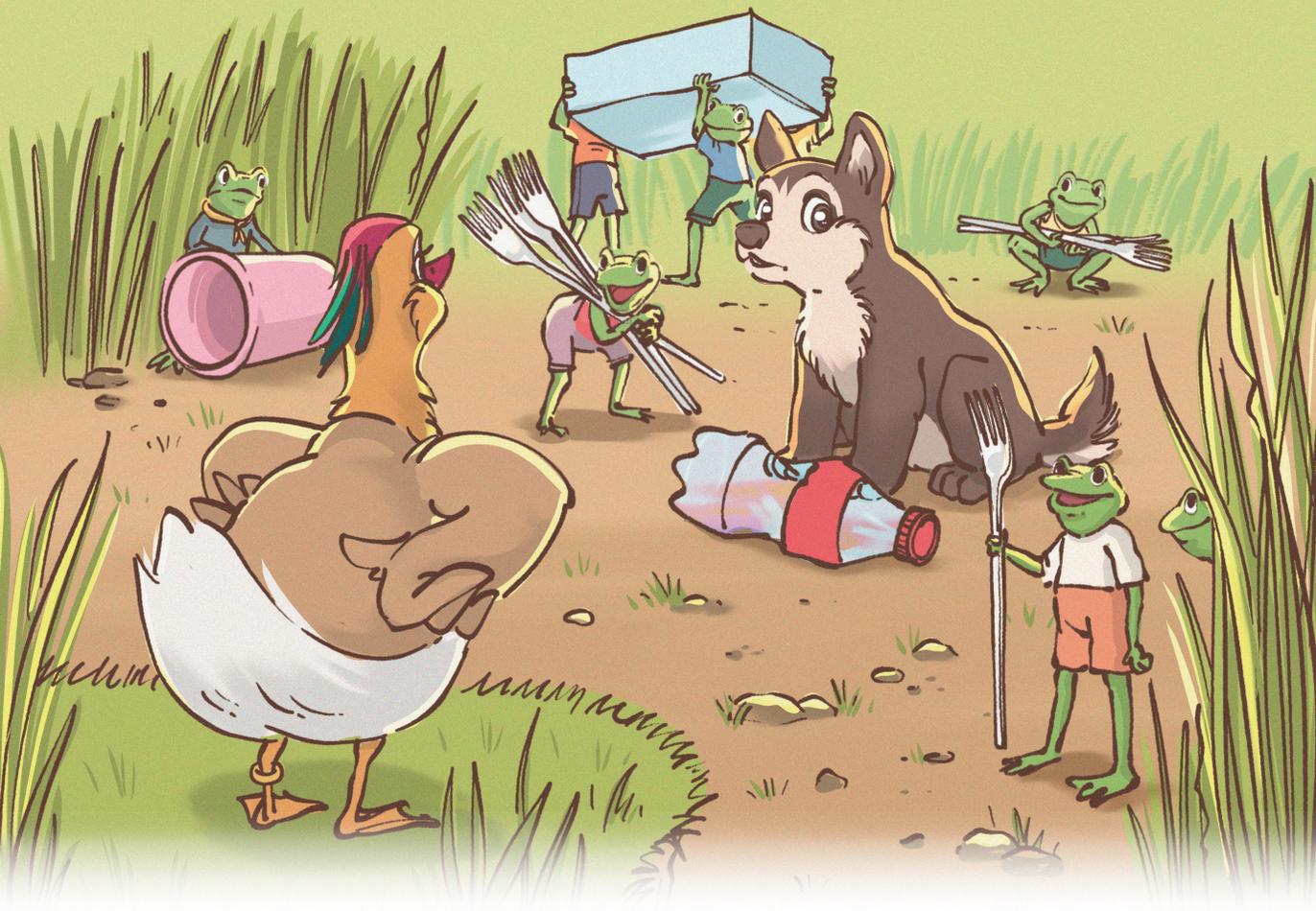
— Шубу кто-то выкинул? — она ощупала хвост. — Мягкая. И тёплая. Может пригодиться.

— И зубастая, — сообщил лягушонок, приподняв щенку губу.

Щенок чихнул, лягушки отпрыгнули.

— Ой, я случайно! — отпрыгнул и маленький лягушонок.

Подтянулась новая компания лягушек. Они тащили пластиковую бутылку из-под кваса. Бутылка всё время падала, разворачивалась и, наконец, подкатилась к носу хаски. Щенок поморгал и понял, что это уже не сон. Кому будет снится пластиковая бутылка? Такое может быть только в жизни. В новой свободной жизни! В животе у хаски стало радостно и немного страшновато. Он взял бутылку зубами и выбрался из-под скамейки. Оказалось, щенок уснул на пути миграции лягушек. Те переселялись из лужи в пруд.

— Сюда, неси её сюда! В наш новый дом! — обрадовались лягушки, увидев бутылку в зубах щенка.

— Ради Великой Праматери Утки! Никакого мусора! — на берег вышла утка Лира.

— Это не мусор, это бассейн для головастика! — возразила Лире старшая лягушка.

Щенок послушно положил бутылку на берегу. У переселенцев ещё были с собой пластиковая коробочка, стаканчик из-под мороженого и несколько одноразовых вилок. Щенок помог всё это принести поближе к воде.

Лягушки-переселенцы заспорили с уткой. К ним подключились лягушки, которые жили в пруду уже давно, с прошлой пятницы.

— Эх вы, деревенщины! Мы научим вас пользоваться вилками! — кричали переселенцы. — Вилка — самое передовое оружие. Если вилку привязать к спине, то никакая цапля не страшна!

— У нас нет цапли, — напомнила утка Лира.

— Это сегодня нет, а завтра, может, будет! — настаивали новосёлы.

— Они что, и цаплю с собой притащили? — недовольно спросил тритон.

— Не знаю про цаплю, а собаку точно притащили! — ответила стрекоза.

Хорошо, что пруд был большой. Новым лягушкам отвели несколько кочек, и они принялись обустроиваться. Лягушки выбирали себе кочки так, чтобы не мешать друг другу. Всё же у каждой свой характер: одной нужно повыше, другой помягче, третьей помокрее. Ну и никто не любит, когда квакают прямо в ухо. Утка едва успевала улаживать споры и устанавливать границы. Ей даже пришлось нырнуть и достать со дна немного тины и глины, чтобы и у маленького лягушонка была своя личная кочка.

— А ты, зверёк из непонятного семейства, — обратилась она к хаски, когда все сели отдохнуть, — где устроишься?

— Я, кажется, перелётный и водоплавающий, — щенок улёгся на первую попавшуюся кочку и свернулся на ней калачиком. Но кочка была маловата. У хаски никак не помещался хвост, он сваливался и накрывал лягушонка.

— Квак-раул! Шерсть в рот набилась! — закричал из-под хвоста лягушонок. Хаски подобрал хвост, но выскользнула нога. Он покрутился, чтобы лечь удобнее. Кочка была влажная, и щенок свалился в воду, подняв волну и смыв лягушонка.

Н-да, это место ему не очень подходило. Нужно было побольше. И посуше. И не такое населённое....

— Парк большой! Походи, поищи, где ты будешь чувствовать себя... как дома и не будешь никого смывать, — посоветовала утка Лира.

«И надо сделать это побыстрее, — подумал щенок, — пока не пришла темнота!» Темноты он боялся. Слишком много в ней прячется ужасов, не считая гримзиного тапка.

Лапы сами понесли его к старой части парка. Похоже, там жил один хорёк Шнурок. Щенок, уставший от переселения лягушек, не стал прыгать через ограждение, а нашёл обходной путь. Теперь он мог получше рассмотреть эту часть парка. Здесь было тихо. С одной стороны парка стоял поезд с вагоном. Это была детская желез-

ная дорога. С другой возвышались мусорные баки. На заросшем чертополохом участке ржавели качели и старая ободранная горка с ракетой наверху. В дальнем углу старого парка росли кусты ломоноса. И всюду порхали бабочки. Их было больше, чем лягушек. И у каждой на ломоносе — своё собственное место, они не сталкивались друг с другом.

— Опять ты? — из-под горки вынырнул знакомый хорёк.

— Ты от верёвки меня спас! Спасибо! — хаски, хоть и с опозданием, поблагодарил хорька и попытался его лизнуть.

— Фу-у! И зачем я тебя только спас! Не смей так делать! — хорёк Шнурок от возмущения здорово испортил воздух.

— Фу-у! Здесь пахнет, как в шкафу у Грымзы. Она меня в нём запирала и кричала: «Место». Но мне там точно не было места. И в сумке совсем нет места. Но сегодня я сбежал, — хаски не знал, что не обязательно говорить всё, что думаешь. Особенно если ты в гостях.

— Вот и отсюда вали, — хорёк показал острые зубы.

— Но почему? — растерялся щенок. — Места же много. Честное слово, я не буду тыкать тебя хвостом!

— Что ты плетёшь?! — хорёк Шнурок мог бы сразу поколотить и прогнать этого непрошеного гостя. Но хорёк был в хорошем настроении. Сегодня ему удалось добыть одну чудесную верёвку и два новых шнурка. Из них можно много что сплести!

— Просто у меня тут свои правила. Они тебе не подходят, — объяснил хорёк.

— А вдруг подходят? — жалобно посмотрел на хорька щенок.

— Правило первое — ты должен быть хорьком, бабочкой или летающим ужасом. Правило второе — ты должен был здесь родиться, — хорёк снисходительно посмотрел на хаски. Щенок вздохнул.

Но тут хорька посетила идея. Он даже подпрыгнул от радости.

— Хватит болтать, пора узел вязать, как говорила моя бабушка! Я понял! Тебе надо идти на холм. Во-он, видишь, высокое дерево? Там ты точно никому не помешаешь. А я завтра тебя навещу! — сказал он.

Щенок опять попытался лизнуть нового друга и бросился со всех ног на холм. А Шнурок принялся кататься по траве, чтобы избавиться от собачьих слюней. А по-

том два раза перевернулся через голову. Он отлично отделался от непрошеного гостя. И заполучил верного шпиона! Теперь он будет знать, что происходит у Большого Дерева.

Большой дуб рос на высоком холме, в самом центре парка. Недалеко от него была маленькая старая метеостанция. Сейчас она не работала. Точнее, очень давно не работала. На холм никто не хотел карабкаться. Тропинка к Большому Дереву была крутая и заросшая. Здесь было ещё тише, чем в старой части парка. Холм зарос, но не как старый парк. Репейник был только с одной стороны холма. А с другой белела ромашками уютная поляна. Между дубом и полянкой и стояла старая метеобудка. Она была на высоких ножках и со сломанным оборудованием. Вокруг не пахло никакими зверушками и, тем более, людьми. Хорёк не обманул. Место свободно. Хаски решил, что совсем не обязательно забираться внутрь будки. Можно просто лежать под ней.

Вечер опускался на парк, но это уже не пугало нового обитателя парка. Вспомнив несколько полезных советов из передачи «Дача за пять минут», он притащил к будке ветки, которые только смог поднять. Нагрёб травы и листья. Это пока не очень походило на дом. Но уже напоминало гнездо. Щенок почувствовал, что он в безопасности. И что он, наконец, никому не мешает.

Правда, перед самым сном на нос щенка сел комар. Проголодавшийся хаски чуть было не слопал неожиданного приставучего соседа. Хорошо, комар быстро понял, что не стоит нарушать границы и садиться на чужие носы.

— У кажшшдого должно быть ссвоё личное просстранство. Даже если ты маленький глупый щенок, — прошелестело что-то возле Большого Дерева.

